

ЛЮСИ МОД МОНТГОМЕРИ
Энн из Зеленых
Мезонинов

Магистраль. Главный тренд

Люси Мод Монтгомери

Энн из Зеленых Мезонинов

«ЭКСМО»

1908

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Монтгомери Л.

Энн из Зеленых Мезонинов / Л. Монтгомери — «Эксмо»,
1908 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-238068-6

Когда рыжеволосая Аня Ширли приезжает на остров Принца Эдуарда, она уверена, что наконец нашла дом, о котором всегда мечтала. Аня сирота, у которой не было детства, потому что и в приёмных семьях, и в приюте она работала наравне со взрослыми, никто не дарил ей тепла, её жизнь до сих пор была «кладбищем надежд». Но её новые приёмные родители — Мэтью и Марилла Касберты — в замешательстве, ведь они просили прислать к ним мальчика, чтобы он помогал им на ферме в Зелёных Мезонинах. Девочка кажется им поначалу странной, постоянно попадает в неприятности, но со временем неуёмный оптимизм, богатая фантазия, добродушие Ани покоряют их и жителей Авонлеи. Это первая книга из цикла про Аню. Романы об Ане Ширли — это классическая история взросления со взлётами и падениями, печалью и радостями. В 2017 году вышел очень душевный канадский сериал «Энн», снятый по циклу романов об Ане. Книга понравится поклонникам таких историй, как «Таинственный сад», «Маленькие женщины», «Поллианна», «1+1»

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-238068-6

© Монтгомери Л., 1908

© Эксмо, 1908

Содержание

Глава I	7
Глава II	11
Глава III	18
Глава IV	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Люси Мод Монтгомери Энн из Зеленых Мезонинов

*Памяти
моих отца и матери*

*Твой путь осенили благие светила,
Тебя соткав из духа, света и росы...*
Р. Браунинг. «Эвелин Хоуп»

Lucy Maud Montgomery

Ann of Green Gables

© Столповская Е., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава I

Удивляется миссис Рэйчел Линд

Дом миссис Рэйчел Линд стоял как раз в том месте, где главная дорога Эвонли спускалась в небольшую лощину, окаймлённую ольхой и венериными башмачками, и пересекала ручей, который брал своё начало ещё в лесах старой фермы Катбертов. Извилистый и стремительный, с тёмными таинственными омутами и бурными порогами, в ложбине возле дома Линдов он становился тихим и послушным ручейком: даже ему не позволено было протекать мимо дома миссис Рэйчел Линд без должного соблюдения приличий. Вероятно, он знал, что миссис Линд сидит у окна и внимательно следит за всем вокруг, не упуская из виду даже ручьи и детей, и если она заметит что-то странное или неуместное, то не успокоится, пока не разузнает, что случилось и почему.

Существует множество людей как в Эвонли, так и за его пределами, которые так усердно следят за делами соседей, что забывают о собственных. Однако миссис Рэйчел Линд принадлежала к числу тех умелых особ, которые прекрасно успевают и о своих заботах похлопотать, и о чужих в придачу. Она была образцовой хозяйкой: все дела по дому у неё спорились, она ведала кружком кройки и шитья, помогала в воскресной школе, была главной опорой церковного благотворительного общества и общества помощи миссионерам. И даже с такими многочисленными заботами миссис Рэйчел хватало времени часами сидеть у окна на кухне за вязанием узорных хлопковых покрывал, коих она связала уже целых шестнадцать штук – к благоговейному трепету местных домохозяек, – и зорко наблюдать за главной дорогой, спускавшейся в лощину и взбирающейся по крутому красному холму. Поскольку Эвонли располагался на маленьком треугольном полуострове, вдающемся в залив Святого Лаврентия и окружённом с двух сторон водой, то всякий, кто сюда приезжал или отсюда уезжал, непременно оказывался на этой самой дороге под невидимым, но всевидящим оком миссис Рэйчел.

Как-то раз в начале июня сидела она на своём привычном месте. Стоял тёплый и солнечный день, а сад, раскинувшийся на склоне за домом, подобно румяной невесте утопал в бело-розовых цветах, над которыми гудели рои пчёл. Томас Линд, кроткий человечек, которого жители Эвонли называли попросту «мужем Рэйчел Линд», сеял позднюю репу на холме за сараем, а Мэттью Катберт в это время должен был засеять своё поле у ручья возле Зелёных Мезонинов. В этом миссис Рэйчел была уверена, ведь прошлым вечером она слышала, как в магазине Уильяма Блэра он рассказывал Питеру Моррисону, что на следующий день собирается заняться посевом. Вернее, Питер его об этом спросил, ведь Мэттью Катберт был не из тех людей, что станут по собственной воле рассказывать о своих делах.

И тем не менее именно он, Мэттью Катберт собственной персоной, в самый разгар трудового дня, в половине четвертого, не спеша проехал лощину и поднялся на холм. Более того, одет он был в свой лучший костюм с белым воротничком, что ясно свидетельствовало о том, что направлялся он за пределы Эвонли. А раз он запряг в коляску свою гнедую лошадь, то путь явно предстоял неблизкий. Так куда же и зачем направлялся Мэттью Катберт?

Будь это любой другой житель Эвонли, миссис Рэйчел ловко бы соотнесла все известные обстоятельства и быстро обо всём догадалась. Но раз такой замкнутый домосед, как Мэттью, который терпеть не мог незнакомое общество и светские беседы, отправился в путь, да ещё и в белом воротничке и в коляске, то наверняка произошло нечто чрезвычайно важное и из ряда вон выходящее. Сколько миссис Рэйчел ни ломала голову, разгадка не находилась, и удовольствие её от послеобеденного досуга было безнадежно испорчено.

«Вот что, схожу-ка я после ужина в Зелёные Мезонины и выпрошу у Мариллы, куда это он поехал и зачем, – в конце концов решила эта почтенная дама. – В это время года он

обычно не ездит в город, а в гости и вовсе никогда не ходит. Если бы у него кончились семена репы, то он не стал бы наряжаться и запрягать коляску. А если бы отправился за врачом, то ехал бы быстрее. И всё же это неспроста! Со вчерашнего дня непременно что-то случилось. Решительно ничего не понимаю и не успокоюсь, пока не выясню, что же выманило Мэттью Катберта из Эвонли».

И вот после ужина миссис Рэйчел отправилась в путь. Идти до фермы Катбертов, впрочем, было недалеко – всего четверть мили. Там, среди сада, небрежно расположился их большой дом. Правда, от калитки до самого дома ещё предстояло пройти по длинной дорожке. Отец Мэттью и Мариллы Катберт, такой же замкнутый и молчаливый, как и его сын, постарался забраться как можно дальше от соседей, а потому дом с зелёными мезонинами оказался на самом дальнем краю их участка, прямо возле леса. Там он и находился по сей день, едва различимый с главной дороги, вдоль которой весьма дружно стояли все остальные дома в Эвонли.

– Разве же это жизнь? Это просто прозябание – вот что это! – рассуждала миссис Линд, ступая по ухабистой дорожке, заросшей травой и обрамлённой шиповником. – Неудивительно, что и Мэттью, и Марилла такие чудные, живут тут сами по себе. С деревьями-то особо не поговоришь, хотя уж их здесь более чем достаточно. Мне куда ближе общество людей. Впрочем, Катберты, кажется, вполне довольны, но, полагаю, это дело привычки. Как говорят ирландцы, человек даже к виселице привыкнет.

За этими рассуждениями миссис Рэйчел дошла до зелёного и ухоженного заднего двора Зелёных Мезонинов. По одной его стороне росли раскидистые ивы, а по другой – строгие тополя. Здесь не было ни одной лишней веточки, ни единого камушка, которые бы бросились миссис Рэйчел в глаза. Втайне она считала, что Марилла Катберт подметает двор так же часто, как и дом, – хоть с земли ешь.

Миссис Рэйчел бойко постучала в дверь, ведущую в кухню, и, дождавшись приглашения, вошла. Кухня Зелёных Мезонинов была светлая и уютная – вернее, она была бы уютной, если бы не пугающе безукоризненная чистота, словно в парадной гостиной. Окна смотрели на запад и на восток: сквозь западное, которое выходило на задний двор, лился мягкий свет июньского солнца, восточное же было почти полностью обвито виноградной лозой, и через него едва виднелись белоснежные вишни и покачивающиеся у ручья стройные берёзки. У этого-то окна в редкие минуты отдыха и сидела обычно Марилла Катберт. Солнечные лучи казались ей слишком уж игривыми и легкомысленными для этого мира, который следовало воспринимать не иначе как всерьёз. Здесь она сидела за вязанием и сейчас, а на столе ждал своего часа ужин.

Едва ступив на порог, миссис Рэйчел подметила всё, что было на столе. Три прибора – значит, Мэттью вернётся не один. Но посуда – самая обычная, а из еды – простой пирог да яблочное варенье. Выходит, гость не самый важный. Но к чему тогда белый воротничок и гнедая лошадь? У миссис Рэйчел голова пошла кругом от неожиданной тайны, окутавшей всегда спокойные и отнюдь не таинственные Зелёные Мезонины.

– Добрый вечер, Рэйчел, – бодро произнесла Марилла. – Погода сегодня просто чудесная, правда? Присаживайся. Как дела дома?

Несмотря на различие их характеров, а может, и благодаря ему, Мариллу Катберт и миссис Рэйчел Линд всегда связывало нечто вроде дружбы – за неимением более подходящего слова.

Марилла была женщиной высокой и худощавой, с прямой угловатой фигурой. Её тёмные с проседью волосы всегда были собраны в тугий пучок, проткнутый двумя беспощадными шпильками. Она производила впечатление человека, может, и не во всём опытного, но нравственно непоколебимого, и впечатление это было совершенно верным. Лишь в уголках её рта таился скромный намёк на чувство юмора.

– У нас-то всё хорошо, – ответила миссис Рэйчел. – А вот за твоё здоровье я не на шутку испугалась, как увидела сегодня Мэттью. Уж не за доктором ли, думаю, поехал?

По губам Мариллы пробежала понимающая улыбка. Она ожидала прихода миссис Рэйчел, зная, что внезапный отъезд брата непременно возбудит любопытство соседки.

– Что ты, я совершенно здорова, хотя вчера у меня очень болела голова, – ответила Марилла. – Мэттью поехал в Брайт-Ривер. Мы решили взять мальчика из приюта в Новой Шотландии. Он приедет сегодня вечерним поездом.

Если бы Марилла сказала, что Мэттью поехал в Брайт-Ривер за австралийским кенгуру, то миссис Рэйчел удивилась бы меньше. На целых пять секунд она онемела от изумления. Немыслимо было себе представить, что Марилла решила над ней подшутить, но иного объяснения просто не находилось.

– Марилла, ты серьёзно? – смогла выдавить миссис Рэйчел, когда к ней наконец-то вернулся дар речи.

– Разумеется, – ответила Марилла, словно усыновление мальчиков из приютов Новой Шотландии было не новой и смелой идеей, а обычным делом для любой порядочной фермы в Эвонли.

Миссис Рэйчел потеряла всякое самообладание. В мыслях её остались одни лишь воспоминания. Решили взять мальчика! И не кто-то! А Марилла и Мэттью Катберт! Из приюта! Мир сошёл с ума! После такого её уж ничем не удивить! Решительно ничем!

– Да как вам такое могло прийти в голову? – неодобрительно спросила она.

У неё никто даже не спросил совета по поводу этой затеи, а потому Марилла заслуживала решительного осуждения.

– Ну, мы это обдумывали некоторое время – точнее, всю зиму. Прямо перед Рождеством к нам заходила миссис Спенсер и упомянула, что весной собирается взять девочку из приюта в Хоуптауне. У неё там живёт двоюродная сестра. Миссис Спенсер ездила к ней в гости и всё разузнала. Так что мы с Мэттью тоже задумались, а не взять ли нам мальчика. Мэттью ведь не молодеет, ему шестьдесят, он уже не так прыток, как раньше. Да и сердце всё чаще беспокоит. Найти на ферму работника, сама знаешь, задача не из лёгких. Тут одни только глупые французские мальчишки. Чуть обучишь такого – как он уже на заводе консервирует лобстеров, а то и вовсе уехал в Штаты. Сначала Мэттью предложил взять кого-то из тех сирот, которых привезли из Англии, но я твёрдо отказалась. Может, они и славные ребята, я не спорю, но меня от лондонских бродяжек избавьте. Лучше уж взять кого-нибудь из наших мест. Риск будет так или иначе. Но с канадцем под одной крышей спать мне будет спокойнее. Так что в итоге мы решили попросить миссис Спенсер выбрать нам какого-нибудь смышлёного покладистого мальчика лет десяти-одиннадцати: в таком возрасте он уже и по хозяйству сможет помогать, и воспитать его как следует мы ещё успеем. Здесь он получит и крышу над головой, и образование. На прошлой неделе мы узнали, что вскоре она поедет за своей девочкой, и передали нашу просьбу через родственников Ричарда Спенсера в Кармоди. А сегодня почтальон принёс со станции телеграмму: они приедут поездом в полшестого. Вот Мэттью и отправился в Брайт-Ривер, чтобы мальчика встретить. Миссис Спенсер оставит его на станции, а сама поедет дальше в Уайт-Сэндс.

Миссис Рэйчел гордилась тем, что всегда прямо высказывала своё мнение. Собравшись с мыслями после такого поразительного известия, она приступила к исполнению своего долга.

– Вот что, Марилла, скажу без обиняков: вы делаете ужасную глупость, притом совершенно безрассудную. Это такой риск! Вы понятия не имеете, кого пускаете в свой дом. Это чужой ребёнок, вы о нём ничего не знаете: ни какой у него характер, ни какие у него были родители, ни каким он вырастет. Да я только на днях читала в газете, как одна пара – тоже с нашего острова, с запада – взяла из приюта мальчишку, так он ночью дом поджёг. Нарочно! Они чуть заживо не сгорели в своих постелях. Или вот был другой случай: приёмный высасывал сырые яйца и оставлял в курятнике одни скорлупки, так и не смогли его от этого отучить.

Спроси вы моего совета – а вы, Марилла, не спросили! – то я бы сказала: ради всего святого, даже не думайте! Так-то!

Эти благие назидания, казалось, ничуть не расстроили и не встревожили Мариллу. Не прекращая вязать, она ответила:

– Не стану отрицать, что в твоих словах есть доля правды. Я и сама долго сомневалась. Но я видела, как проникся этой идеей Мэттью, и согласилась. Он так редко чего-то по-настоящему хочет, что в такие минуты я всегда чувствую, что мой долг – уступить. Что же до риска, так в нашем мире он есть в любом деле. Даже своих детей заводить – это риск, тоже не знаешь, какими они вырастут. Ну а Новая Шотландия отсюда – рукой подать. Мы ведь ребёнка берём не из Англии или Штатов. Вряд ли он будет сильно от нас отличаться.

– Что ж, надеюсь, что всё обойдётся, – произнесла миссис Рэйчел тоном, выдававшим её тревожные сомнения. – Только не говори потом, что я тебя не предупреждала, если он сожжёт Зелёные Мезонины или бросит в колодец крысиный яд. Слышала я о таком случае в Нью-Брансуике – вся семья скончалась в страшных муках. Правда, там была девочка.

– Ну а мы берём не девочку, – отрезала Марилла, словно отравление колодцев было сугубо женским занятием, на которое мальчики не способны. – Я бы ни за что не согласилась на девочку. Удивляюсь, как миссис Спенсер на это решилась. Впрочем, она бы и весь приют усыновила, взбреди ей это в голову.

Миссис Рэйчел охотно дождалась бы возвращения Мэттью, но, смекнув, что сидеть придётся часа два по меньшей мере, решила заглянуть к Роберту Беллу и рассказать последние новости. Они произведут настоящую сенсацию, а миссис Рэйчел обожала сообщать сенсации. Она удалилась, к большому облегчению Мариллы, в которой под влиянием мрачных рассказов соседки вновь зашевелились сомнения и страхи.

– Ну и ну, чудеса, да и только! – воскликнула миссис Рэйчел, выйдя на дорожку. – Словно сон наяву! Жаль мне этого мальчишку. Мэттью и Марилла в детях ничего не смыслят и станут требовать, чтобы он был благоразумнее и степеннее собственного деда Мэттью, если у него вообще когда-либо был дед, в чём я сомневаюсь. Представить не могу, что в Зелёных Мезонинах появится ребёнок. Даже Мэттью и Марилла уже выросли, когда их отец построил дом. Впрочем, глядя на них, трудно представить, что они вообще когда-то были детьми. Как мне жаль бедного сиротку! Не хотела бы я оказаться на его месте, скажу я вам. Да-да, ни за что бы не хотела.

Так и шла миссис Рэйчел, изливая душу кустам шиповника. Если бы только она знала, что за ребёнок терпеливо ожидает Мэттью на станции, то её жалость стала бы ещё глубже и полнее.

Глава II

Удивляется Мэттью Катберт

Мэттью Катберт в коляске, запряжённой гнедой лошастью, неспешно проделал восемь миль до Брайт-Ривер. Живописная дорога то бежала меж уютных ферм, то ныряла в пихтовые леса, то спускалась в лощины, где нежно цвели дикие сливы. Воздух был напоен сладкими ароматами яблоневых садов, луга, убегая к горизонту, терялись в перламутрово-лиловой дымке, а птички пели так сладко, словно на дворе стоял единственный в году летний день.

Мэттью на свой лад наслаждался поездкой, и она была бы ещё приятнее, если бы на пути ему не встречались женщины, которым он был вынужден кивать в знак приветствия, поскольку на Острове Принца Эдуарда принято здороваться с каждым встречным, знакомым или незнакомым.

Всех женщин, кроме Мариллы и миссис Рэйчел, Мэттью побаивался. Его не покидало смутное ощущение, что эти загадочные создания втайне над ним смеются. Возможно, в этом была доля правды, ведь вид у него был довольно странный: нескладная фигура, длинные седые волосы, спадавшие на сутулые плечи, густая и мягкая темная борода, которую он носил лет с двадцати. По правде говоря, в двадцать он выглядел точно так же, как и в шестьдесят, разве что без седины.

Когда Мэттью доехал до Брайт-Ривер, ни уходящих, ни прибывающих поездов не было. Решив, что приехал слишком рано, он привязал лошадь во дворе скромной местной гостиницы и направился к станции. На длинной платформе было пустынно, и только в дальнем углу на груде черепицы сидела девочка. Мэттью лишь отметил про себя, что это не мальчик, и, не глядя, поспешил пройти мимо. Будь он внимательнее, то заметил бы, в каком напряжении сидела эта девочка, явно ожидая чего-то или кого-то и всей душой отдаваясь этому единственно возможному для неё в тот момент занятию.

Когда Мэттью подошёл к кассе, смотритель станции как раз запирали её на ключ, чтобы пойти ужинать. Мэттью поприветствовал его и спросил, скоро ли прибудет вечерний поезд.

– Он уже прибыл и отбыл полчаса назад, – ответил бодрый служащий. – Но вам тут кое-кого оставили. Девочку. Вон она на черепице сидит. Я предлагал ей пройти в комнату ожидания для дам, но она очень серьёзно заявила, что лучше останется снаружи, якобы там «больше простора для воображения». Занятая девчужка.

– Но я не за девочкой приехал, – растерянно пробормотал Мэттью, – а за мальчиком. Он должен быть здесь. Миссис Спенсер должна была привезти его из Новой Шотландии.

Смотритель присвистнул.

– Видать, напутали что-то, – сказал он. – Миссис Спенсер сошла с поезда с этой девочкой и оставила её мне на попечение. Сказала, что вы с сестрой забираете её из приюта и вскоре приедете. Больше я ничего не знаю, а других сирот в запасе у меня нет.

– Ничего не понимаю, – беспомощно пробормотал Мэттью, жалея, что рядом нет Мариллы, которая с лёгкостью бы со всем разобралась.

– Расспросите лучше девочку, – беззаботно отозвался смотритель. – Смею предположить, что она вам всё объяснит. Уж что-что, а за язык её тянуть не надо. Может, у них закончились мальчики нужного вам сорта.

И с этими словами он бодро поспешил к своему ужину, оставив несчастного Мэттью один на один со страшной задачей – заговорить с девочкой. Незнакомой девочкой. Девочкой из приюта. И потребовать, чтобы она объяснила, почему это она не мальчик. Уж лучше бы его бросили на растерзание львам! Мысленно взыв, Мэттью повернулся и тихой поступью направился к черепице.

Девочка наблюдала за ним с тех пор, как он прошёл мимо, и сейчас тоже не сводила глаз. Мэттью на неё не смотрел, а если бы и посмотрел, то всё равно бы не разглядел. Однако любому случайному наблюдателю она предстала бы девочкой лет одиннадцати в очень коротком, очень тесном и очень некрасивом платье из жесткой желтовато-серой ткани. На голове у неё была выцветшая соломенная шляпка коричневатого цвета, из-под которой на спину спадали две толстых огненно-рыжих косы. Её личико было маленькое, худое и бледное, с веснушками, широким ртом и большими глазами, которые в одном свете казались зелёными, а в другом – серыми.

Так бы описал её случайный наблюдатель. А более проницательный отметил бы, что подбородок у нее был острый и выдающийся, лоб – высокий и широкий, губы – мягкие и выразительные, а большие глаза полны решительности и живости. Одним словом, вдумчивый наблюдатель мог бы сделать вывод, что в этом бедном создании, которого застенчивый Мэттью так нелепо боялся, таилась далеко не заурядная душа.

К счастью для Мэттью, он был избавлен от мучительной необходимости заговорить первым. Как только девочка поняла, что он направляется именно к ней, она встала, одной худенькой смуглой ручкой схватила потрёпанный старомодный саквояж, а другую протянула ему.

– Полагаю, вы мистер Мэттью Катберт из Зелёных Мезонинов? – спросила она необычайно звонким, мелодичным голосом. – Очень рада вас видеть. Я уже начала опасаться, что вы не приедете, и рисовала в уме всевозможные напасти, которые могли вас задержать. Я решила, что если к вечеру вас не будет, то я пойду вон к той большой вишне на повороте, залезу на неё и там переночую. И я бы совсем не боялась! Разве не чудесно было бы уснуть среди белых цветов вишни в лунном сиянии? Можно вообразить себя в мраморных покоях, согласитесь? И я твёрдо знала, что если не сегодня, то завтра утром вы за мной непременно приедете.

Мэттью неловко пожал худенькую ручку – и в тот же миг решил, что делать. Он не мог сказать этому созданию с сияющими глазами, что произошла ошибка. Он отвезёт её домой, и пускай уж лучше Марилла всё скажет. Как бы то ни было, оставить её одну на станции он не мог, так что все расспросы и разъяснения можно было отложить до возвращения в Зелёные Мезонины.

– Извини, что опоздал, – застенчиво произнёс он. – Пойдём. Лошадь стоит во дворе. Давай мне свои вещи.

– Что вы, я сама, – весело ответила девочка. – Мне не тяжело. У меня здесь все мои пожитки, но мне совсем не тяжело. Знаете, это ужасно старый саквояж. Его надо нести определённым образом, а иначе ручка отваливается, так что я лучше сама понесу, я уже привыкла. Ах, как я рада, что вы приехали! Хотя спать на дикой вишне тоже было бы весьма чудесно. Нам ведь далеко ехать? Миссис Спенсер говорила, что целых восемь миль. Я так рада, обожаю поездки. Как же замечательно, что я буду жить с вами и обрету дом. У меня ещё никогда не было дома – ну, настоящего дома. Хуже всего было в приюте. Я пробыла там всего четыре месяца, но мне и этого хватило. Полагаю, вы никогда не были сиротой в приюте, поэтому вам меня не понять. Такой ужас и представить трудно. Миссис Спенсер сказала, что грешно так говорить, но я не нарочно. Так легко согрешить, даже об этом не подозревая, да? Вообще люди там хорошие – ну, в приюте. Но там так мало простора для воображения, разве что о других сиротах можно повоображать. Было довольно занятно придумывать о них всякие истории: например, что девочка, которая сидела рядом со мной, на самом деле дочь какого-нибудь графа, но в младенчестве её похитила бессердечная няня, которая умерла, так и не рассказав всей правды. Я обычно выдумывала такие истории по ночам, потому что днём на это не было времени. Наверное, поэтому я такая худая – я ведь ужасно худая, да? Одни кости. Мне нравится представлять себя хорошенькой и пухленькой, с ямочками на локтях.

На этом спутница Мэттью умолкла, отчасти потому, что запыхалась, отчасти потому, что они подошли к коляске. Она не проронила ни слова, пока они не выехали из деревни и не

продолжили путь вниз по крутому склону холма. Колея дороги здесь так глубоко врезалась в рыхлую почву, что цветущие вишни и стройные белые берёзы на несколько футов возвышались над их головами.

Девочка протянула руку и сорвала веточку дикой сливы, задевшую их коляску.

– Разве не прелесть? – спросила она. – Что напоминает вам этот белоснежный кружевной убор?

– Ну, хм, я даже не знаю... – ответил Мэттью.

– Как же, конечно, невесту! Всю в белом, с прекрасной воздушной фатой. Я никогда не видела невест, но могу представить, как они выглядят. Сама я вряд ли когда-нибудь стану невестой. Я такая неказистая, никто и не захочет на мне жениться – разве что какой-нибудь иностранный миссионер. Полагаю, миссионеры не слишком разборчивы. Но я всё же надеюсь, что однажды надену белое платье. Так я и представляю земное блаженство. Обожаю красивые наряды. А у меня, сколько я себя помню, никогда не было красивого платья. Но это даже к лучшему, ведь так есть о чём помечтать, верно? Зато я могу представлять себя в роскошных одеяниях. Когда я сегодня утром уезжала из приюта, мне было очень стыдно из-за этого безобразного грубого платья. В приюте все в таких ходят. Прошлой зимой один торговец из Хоуптауна пожертвовал триста ярдов этой ткани. Говорят, что он просто не смог её продать, но я предпочитаю верить, что он это сделал от чистого сердца. В поезде мне казалось, что все на меня смотрят и жалеют меня. Тогда я просто представила, что на мне самое изысканное платье из голубого шёлка, большая шляпа с роскошными цветами и пышными перьями, золотые часы, лайковые перчатки и изящные сапожки. Уж если воображать, то всё самое лучшее, согласны? Мне сразу стало веселее, и я от всей души насладились дорогой. А на пароме меня совсем не укачало. И миссис Спенсер тоже, хотя обычно её всегда мутит. Она сказала, что ей было не до того, ведь всё время приходилось следить, чтобы я не свалилась за борт. Никогда в жизни, говорит, не видела такой непоседы. Но раз это избавило её от морской болезни, значит, всё к лучшему, согласитесь? Мне так хотелось всё рассмотреть, кто знает, когда ещё представится такая возможность? Ах, сколько вишен и все в цвету! Не остров, а настоящий сад! Кажется, я уже его полюбила. Как я рада, что буду здесь жить! Я много раз слышала, что Остров Принца Эдварда – это самое красивое место на земле, и часто представляла, будто я здесь живу, но никогда даже и не надеялась, что это и впрямь сбудется. Разве не восхитительно, когда мечты становятся явью? Какие необычные дороги! Когда мы отправились на поезде из Шарлоттауна и за окном замелькали эти красные дороги, я спросила миссис Спенсер, почему они такого цвета, но она ответила, что не знает, и попросила ради всего святого больше не задавать ей вопросов. Она сказала, что я уже задала, наверное, тысячу. Может, и задала, но как же возможно что-то узнать, не задавая вопросов? И всё-таки, почему же они такие красные?

– Ну, хм, я даже не знаю... – ответил Мэттью.

– Что ж, это надо будет выяснить. Разве не прекрасно осознавать, сколько всего нам ещё предстоит узнать? От одной этой мысли мне становится радостно, что я живу в таком интересном мире! Он был бы вдвое скучнее, если бы мы всё на свете знали, согласитесь? Тогда бы и простора для воображения не осталось. Не слишком ли я много болтаю? Мне часто делают замечания. Я вам не мешаю? Только скажите, и я перестану. Я могу молчать, если очень сильно постараюсь.

Однако Мэттью, к своему немалому удивлению, слушал её с удовольствием. Как и большинство молчаливых людей, он любил словоохотливых собеседников – при условии, что они готовы вести разговор самостоятельно, не ожидая от него ответа. Но он никак не ожидал, что будет наслаждаться обществом маленькой девочки. По правде сказать, ему и со взрослыми-то женщинами было непросто, а уж с девочками – подавно. Он терпеть не мог то, как они боязливо прошмыгивали мимо него с косыми взглядами, словно опасаясь, что стоит им произнести хоть словечко, так он их тут же разом и проглотит. Так вели себя благовоспитанные юные

жительницы Эвонли. Эта же веснушчатая чародейка была совершенно иной, и хотя его медлительному уму нелегко было поспевать за стремительным ходом её мыслей, он поймал себя на том, что ему «вроде как нравится ее болтовня», а потому, как всегда, застенчиво произнёс:

– Говори сколько угодно. Я не против.

– Ах, как я рада! Сразу видно, что мы с вами прекрасно поладим. Так отрадно говорить, когда хочется. Мне всегда говорят, что дети должны вести себя тихо и не мешать. А ещё все смеются надо мной, потому что я употребляю сложные слова. Но если в голове роятся сложные мысли, разве можно их объяснить простыми словами?

– Хм, ну вроде нет, – согласился Мэттью.

– Миссис Спенсер сказала, что у меня язык без костей. Что ж, разумеется, разве есть у кого-то в языке кости? Миссис Спенсер сказала, что ваш дом называется Зелёные Мезонины. Я у неё всё расспросила. Она сказала, что там кругом деревья. Я так обрадовалась! Обожаю деревья. Вокруг приюта их почти не было, только парочка несчастных крошечных деревец в таких выбеленных оградках. Они и сами выглядели как сиротки. При виде их мне всегда хотелось плакать. Я часто им говорила: «Ах вы мои бедняжечки! Расти бы вам в большом лесу, среди других деревьев, да чтобы у ваших корней рос мох да колокольчики, неподалёку журчал ручей, а на ветвях пели птицы – как бы вы тогда вытянулись! Но здесь вам не вырасти. Как я вас понимаю». Мне было так грустно их оставлять. Человек легко привязывается к подобным вещам, правда? А возле Зелёных Мезонинов есть ручей? Я забыла спросить у миссис Спенсер.

– Хм, ну да, прямо рядом с домом.

– Неужели! Я всегда мечтала жить рядом с ручьем, но и представить не могла, что моя мечта сбудется. Мечты ведь редко сбываются? Как было бы здорово, если бы они всегда сбывались. Сейчас я чувствую себя почти совершенно счастливой. Но не совершенно, потому что... вот как бы вы назвали этот цвет?

Она перекинула вперёд через худенькое плечо одну из своих ярких кос и показала Мэттью. Тот не очень разбирался в оттенках дамских волос, но в данном случае сомнений быть не могло.

– Ну, рыжий? – ответил он.

С тяжёлым вздохом, словно вобравшим в себя все скорби этого брэнного мира, девочка выпустила из рук косу.

– Да, рыжий, – смиренно произнесла она. – Теперь вы понимаете, почему я не могу быть совершенно счастливой. С рыжими волосами это невозможно. Остальное я ещё переживу: и веснушки, и зелёные глаза, и худобу... Вместо этого я могу представить, что у меня нежные розовые щечки и прекрасные фиалковые глаза. Но от рыжих волос не избавишься даже в мечтах. Уж я пыталась. Я говорила себе: «У меня великолепные чёрные волосы, чёрные словно вороново крыло». Но я-то знаю, что они просто рыжие, и от этого прямо сердце разрывается. Мне предстоит мучиться всю жизнь. В одном романе я читала про девушку, которая тоже мучилась всю жизнь, но волосы у неё были не рыжие. У неё были золотые локоны, осенявшие её алебастровое чело. Что значит «осенявшие алебастровое чело»? Я так и не разобралась. А вы знаете?

– Хм, ну боюсь, что не знаю, – ответил Мэттью, у которого голова начинала идти кругом. Однажды, когда он был безрассудным юнцом, один мальчик уговорил его покататься на карусели. Так же он чувствовал себя и сейчас.

– Что ж, в любом случае, наверное, это нечто прекрасное, раз она была божественно красива. Вы когда-нибудь представляли, каково это – быть божественно красивым?

– Ну, хм, честно говоря, нет, – простодушно признался Мэттью.

– А я представляла – и много раз. Скажите, что бы вы выбрали: быть божественно красивым, необыкновенно умным или ангельски добрым?

– Ну я... я даже не знаю.

– И я не знаю. Никак не могу решить. Хотя вряд ли передо мной однажды встанет такой выбор. Ангельски доброй мне уж точно не быть. Миссис Спенсер сказала... Ах, мистер Катберт! Мистер Катберт!! Мистер Катберт!!!

Можно было бы подумать, что именно такие слова сказала миссис Спенсер, или что девочка выпала из коляски, или даже что Мэттью сделал нечто удивительное, но в действительности дорога просто повернула, и они оказались на Аллее.

Аллеей жители Ньюбриджа называли участок дороги длиной в четыреста-пятьсот ярдов, над которым раскинули свои своды огромные яблони, много лет назад высаженные одним чудачковатым старым фермером. Над головой простирался сплошной белоснежный полог благоухающих цветов, под ним царил лиловый полумрак, а вдали, в просвете между деревьями, виднелось закатное небо, сиявшее подобно витражному окну в глубине собора.

Красота этого места, казалось, лишила девочку дара речи. Откинувшись назад и сложив перед собой худенькие ручки, она в немом восторге смотрела на белое великолепие, заслонившее небо. Даже после того, как они миновали Аллею и стали спускаться по длинному склону к Ньюбриджу, она не шелохнулась и не проронила ни слова. Всё с тем же восторгом она смотрела вдаль на пылающий закат, на фоне которого в её воображении рисовались чудесные видения. Продолжила она молчать, и пока они ехали через Ньюбридж – оживлённую деревушку, где на них лаяли собаки, вслед им свистели мальчишки, а из окон выглядывали любопытные лица. Так они проехали ещё три мили. Очевидно, молчать девочка могла с тем же воодушевлением, что и говорить.

– Ты, наверное, устала и проголодалась, – наконец осмелился предположить Мэттью, не найдя другого объяснения её долгому молчанию. – Нам осталось совсем немного – всего одна миля.

С глубоким вздохом она очнулась от своей задумчивости и обратила к нему мечтательный взгляд – взгляд души, которая только что странствовала по далёким мирам, ведомая мерцанием звёзд.

– Ах, мистер Катберт, – прошептала она, – то место, где мы проезжали... то белоснежное видение... что же это было?

– Хм, ну ты, наверное, имеешь в виду Аллею, – после непродолжительного раздумья ответил Мэттью. – Милое местечко.

– Милое? Это слово совсем не подходит. И «красивое» – тоже не то. Эти слова слишком простые, чтобы описать то восхитительное – да, восхитительное! – место. Впервые в жизни я вижу нечто, превосходящее моё воображение. У меня вот здесь, – она приложила руку к груди, – всё отозвалось такой странной, щемящей болью... и в то же время это боль приятная. У вас такое бывало?

– Ну, хм, я как-то не припомню...

– А у меня такое часто бывает – всякий раз, как я вижу что-то по-настоящему прекрасное. Но как можно называть такое чудесное место просто Аллеей? Это название совсем ни о чём не говорит. Лучше бы его назвали... дайте-ка подумать... Белой Дорогой Восторга. Как вам? По-моему, очень поэтично. Когда мне не нравится какое-то название, я всегда придумываю новое и мысленно его использую. Так же с именами. В приюте у нас была девочка по имени Хепзиба Дженкинс, но для меня она всегда была Розалией де Вер. Другие пускай называют то место Аллеей, но для меня это будет Белая Дорога Восторга. Нам в самом деле осталась всего миля? Мне и радостно, и грустно. Грустно, потому что мне очень понравилась наша дорога, а я всегда грущу, когда что-то прекрасное кончается. Впрочем, впереди ведь может ждать что-то ещё более прекрасное, но кто знает наверняка? Часто бывает так, что ничего и не ждёт. Это я знаю по опыту. Но я рада, что скоро мы будем дома. Понимаете, сколько я себя помню, у меня ведь никогда не было настоящего дома. Ах, какая красота!

Они взобрались на холм. Внизу раскинулся пруд, длинный и извилистый, словно река. Посередине его пересекал мост, а за мостом и до самого дальнего края пруда, где песчаные дюны цвета янтаря отделяли его от тёмно-синего залива, вода играла множеством нежнейших оттенков: от золотистых, розовых и прозрачно-изумрудных до других неуловимых переливов, которым ещё не нашли названия. С другой стороны от моста на берегах стояли еловые и кленовые рощи, и вода под их колышущимися ветвями казалась тёмным зеркалом. Местами дикие сливы, походившие на девушек в белых одеяниях, словно становились на цыпочки, чтобы полюбоваться своим отражением. С болотистого берега доносился звонкий и заунывно-мелодичный хор лягушек. На склоне по ту сторону пруда, выглядывая из белоснежного яблоневого сада, стоял небольшой серый дом, и хотя ещё не совсем стемнело, в одном из его окон уже горел свет.

– Это пруд Барри, – сказал Мэттью.

– Нет, это название мне тоже не нравится. Я назову его... дайте-ка подумать... Озером Сверкающих Вод. Да, теперь идеально. Я это понимаю по внутреннему трепету. Он всегда меня охватывает, когда мне удаётся подобрать подходящее название. А вас когда-нибудь охватывает трепет?

Мэттью задумался.

– Хм, ну вообще да. Тот ещё трепет меня охватывает, когда я вижу этих мерзких белых личинок на грядках с огурцами. Смотреть противно.

– А, но думаю, это не совсем тот же трепет. Разве есть что-то общее между личинками и озёрами сверкающих вод? А почему этот пруд называют прудом Барри?

– Думаю, потому, что вон в том доме живёт мистер Барри. Это Яблоневый Склон. Если б не те большие кусты, то отсюда мы бы уже увидели Зелёные Мезонины. Но нам нужно пересечь мост и сделать крюк, так что это ещё добрых полмили.

– А у мистера Барри есть дочери? Ну, примерно моего возраста.

– У него есть дочка лет одиннадцати, Диана.

– Ах! – со вздохом воскликнула она. – Какое очаровательное имя!

– Хм, ну даже не знаю. Какое-то оно не христианское. По мне, уж лучше что-то вроде Джейн или Мэри. Но когда Диана родилась, у Барри жил школьный учитель, и они попросили его выбрать ей имя. Вот он и назвал её Дианой.

– Жаль, что, когда я родилась, рядом не было такого учителя. А вот и мост! Я зажмурюсь покрепче. Мне всегда на мостах так страшно. Кажется, будто он прямо посередине сложится, как перочинный ножик, и меня прихлопнет. Поэтому я закрываю глаза. Но где-то на середине моста всё равно открываю. Ведь если уж он и впрямь сложится, то я хочу это видеть. Как весело он грохочет! Мне так нравится этот звук. Разве не замечательно, что в мире существует столько всего, что может нам нравиться! Ну вот мы и проехали, теперь я оглянусь назад. Доброй ночи, Озеро Сверкающих Вод. Я всегда желаю доброй ночи всему, что мне нравится, прямо как людям. Думаю, озеру приятно. Вода словно улыбается мне.

Когда они поднялись на следующий холм и повернули, Мэттью сказал:

– Мы почти приехали, – и, собираясь указать на нужный дом, начал говорить: – Зелёные Мезонины вон...

– Ой, не говорите! – девочка, задыхаясь от волнения, схватила его за руку и зажмурилась. – Можно я угадаю? Уверена, у меня получится.

Она открыла глаза и огляделась вокруг. Они находились на вершине холма. Солнце уже зашло, но окрестности пока были отчётливо видны в мягких вечерних сумерках. На западе на фоне жёлто-оранжевого неба выделялся тёмный шпиль церкви. Внизу раскинулась небольшая долина, а за ней – длинный пологий склон, на котором уютно расположились многочисленные фермы. Горящими глазами девочка задумчиво изучала то один дом, то другой. Наконец её взгляд остановился на ферме далеко слева от дороги, вдоль которой тускло белели цветущие

деревья в сумерках лесной чащи. Над ней, в чистом юго-западном небе, сияла, словно маяк надежды, огромная хрустально-белая звезда.

– Вон там? – указала она пальцем.

Мэттью радостно хлестнул вожжами по спине гнедой лошади.

– Ну смотри-ка, угадала! Видать, миссис Спенсер хорошо их описала.

– Нет, вовсе нет, честное слово! Она очень общими словами говорила. Я и представить не могла, как всё на самом деле выглядит. Но только я его увидела, как сразу поняла: это дом. Ах, я словно во сне! Знаете, у меня вся рука, наверное, в синяках: я столько раз себя сегодня щипала. То и дело меня охватывало это ужасное тошнотворное чувство, будто я сплю. И тогда я себя щипала, чтобы убедиться, что это всё наяву... Пока вдруг не поняла, что даже если это и сон, то уж лучше продолжать грезить подольше. Но всё это правда, и скоро мы будем дома.

С блаженным вздохом она замолкла. Мэттью же беспокойно заёрзал. К счастью, объяснять этой бездомной девочке, что дом, о котором она так мечтала, вовсе не станет её домом, придётся Марилле, а не ему. Они проехали через лощину возле дома Линдов, где уже сгустились сумерки, – хотя миссис Рэйчел даже так, разумеется, разглядела их со своего места у окна, – затем поднялись на холм и выехали на длинную дорогу перед Зелёными Мезонинами. Чем ближе они подъезжали к дому, тем больше Мэттью съёживался в странном, непонятном ему страхе перед предстоящим объяснением. Он думал не о Марилле, и не о себе, и даже не о тех неприятностях, которые эта ошибка, вероятно, им обоим принесёт, а о разочаровании, которое испытает бедный ребёнок. От мысли о том, как погаснет восторг в её глазах, его охватило такое тягостное чувство, будто он соучастник убийства, – такое же чувство он испытывал, когда приходилось забивать ягнёнка, или телёнка, или любое другое невинное создание.

Когда они остановились перед домом, двор уже погрузился во тьму. Вокруг мягко шелестели тополя.

– Послушайте, как деревья разговаривают во сне, – прошептала она, когда Мэттью снял её с коляски. – Какие чудесные сны им, должно быть, снятся!

И, крепко держа саквояж «со всеми пожитками», она проследовала за ним в дом.

Глава III

Удивляется Марилла Катберт

Услышав, как открывается дверь, Марилла сразу подскочила, но замерла в изумлении, стоило её взгляду упасть на странную маленькую фигурку в уродливом грубом платье, с длинными рыжими косами и горящими нетерпеливыми глазами.

– Мэттью Катберт, это ещё кто? – вырвалось у неё. – Где мальчик?

– Не было никакого мальчика, – уныло ответил Мэттью. – Там была только она.

Он кивнул в сторону девочки, лишь теперь осознавая, что даже не спросил её имени.

– Как это не было! Должен был быть, – не сдавалась Марилла. – Мы же просили миссис Спенсер привезти мальчика.

– Ну а она привезла девочку. Я спросил у смотрителя. Пришлось взять её с собой. Нельзя же было оставить ребёнка на станции, пусть и произошла ошибка.

– Вот так история! – воскликнула Марилла.

Девочка в это время молчала, её взгляд перебегал с одного на другого, а воодушевление на лице постепенно угасало. Внезапно она, казалось, полностью осознала смысл сказанного. Уронив свой драгоценный саквояж, она шагнула вперёд и, всплеснув руками, воскликнула:

– Я вам не нужна! Я вам не нужна, потому что я не мальчик! Этого следовало ожидать. Я никогда никому не нужна. Следовало понять, что этот сон слишком прекрасен, чтобы быть правдой. Следовало знать, что на самом деле я никому не нужна. Ах, что же мне теперь делать? Я сейчас разрыдаюсь!

И она разрыдалась. Упав на стул, она уронила руки на стол, уткнулась в них лицом и залилась горькими слезами. Марилла и Мэттью с осуждением взглянули друг на друга. Оба не знали, что сказать или сделать. В конце концов Марилла нерешительно нарушила тягостное молчание:

– Ну, ну, не стоит так плакать.

– Ещё как стоит! – Девочка резко подняла заплаканное лицо и с дрожащими губами продолжила: – Вы бы тоже плакали, если б вы были сиротой, приехали в свой, как вам казалось, новый дом и обнаружили бы, что вы никому не нужны, потому что вы не мальчик. Ах, это самая трагическая минута моей жизни!

Что-то вроде невольной полуулыбки, которая так давно не появлялась на лице Мариллы, смягчило его выражение.

– Ну-ну, не плачь. Не станем же мы прямо сейчас тебя выгонять. Ты останешься здесь, пока всё не разрешится. Как тебя зовут?

Девочка на мгновение замаялась, а затем горячо произнесла:

– Не могли бы вы называть меня Корделией?

– Что значит «называть»? Тебя зовут Корделия?

– Ну-у-у, нет, но я бы очень хотела, чтобы меня так звали. Это же такое изысканное имя!

– Совершенно не понимаю, о чём ты. Раз ты не Корделия, тогда как же тебя зовут?

– Энн Ширли, – неохотно ответила обладательница своего имени. – Но, пожалуйста, пожалуйста, зовите меня Корделией. Вам ведь это ничего не стоит, раз я всё равно скоро уеду? Энн звучит совершенно не романтично.

– Что за вздор! – строго возразила Марилла. – Энн – это очень хорошее имя для любой благоразумной девочки. Нечего его стыдиться.

– А я и не стыжусь. Просто Корделия мне нравится больше, – объяснила Энн. – Я всегда представляла, будто меня зовут Корделией, – во всяком случае, в последние годы. В детстве

я воображала, что я Джеральдина, но сейчас мне больше нравится Корделия. Но если уж вы будете звать меня Энн, то, пожалуйста, представьте, что это имя пишется с двумя «н».

– Какая разница, как оно пишется? – берясь за чайник, спросила Марилла с ещё одной тонкой улыбкой.

– Очень большая! Так оно выглядит гораздо изящнее. Разве вы, услышав имя, не представляете его в уме, словно на бумаге? Я вот представляю. «Э-н» смотрится ужасно, а вот «Э-н-н» уже куда благороднее. Если вы будете звать меня Энн с двумя «н», то я постараюсь смириться с тем, что я не Корделия.

– Ну хорошо, пусть будет Энн с двумя «н». А теперь не можешь ли ты нам объяснить, как всё это вышло? Мы просили миссис Спенсер привезти мальчика. Неужели в приюте не было мальчиков?

– Да нет, мальчиков там предостаточно. Но миссис Спенсер весьма недвусмысленно сказала, что вам нужна девочка лет одиннадцати. А воспитательница решила, что я подойду. Вы не представляете, как я обрадовалась! Всю прошлую ночь не могла уснуть от счастья, – сказала она и, повернувшись к Мэттью, добавила с упреком: – Ах, почему вы не сказали мне на станции, что я вам не нужна, и не оставили меня там? Если бы я не видела Дороги Белого Восторга и Озера Сверкающих Вод, то сейчас мне не было бы так больно.

– О чём это она? – уставилась на Мэттью Марилла.

– Ну... это мы просто по дороге разговаривали, – поспешно сказал он. – Я пойду распрягу лошадь. Поставь пока чай.

Когда Мэттью вышел, Марилла продолжила расспросы:

– Миссис Спенсер привезла ещё кого-то, кроме тебя?

– Да, Лили Джонс. Ей всего пять лет, она очень красивая и с каштановыми волосами. Если бы я была очень красивой и с каштановыми волосами, вы бы меня оставили?

– Нет. Нам нужен мальчик, чтобы помогал Мэттью на ферме. От девочки нам проку нет. Снимай шляпу. Я отнесу её и твой саквояж в прихожую.

Энн покорно сняла шляпу. Вскоре вернулся Мэттью, и они сели за стол. Но Энн есть не могла. И хотя она немного покусала хлеб с маслом и поклевала яблочное варенье из маленькой розетки, выглядела еда так, будто Энн к ней и не притронулась.

– Ты совсем не ешь, – строго, словно речь шла о серьёзном проступке, заметила Марилла. Энн вздохнула.

– Я не могу. Я в пучине отчаяния. Вы можете есть, когда вы в пучине отчаяния?

– Я никогда не была в пучине отчаяния, так что не могу сказать.

– Да? А вы пытались как-нибудь представить, что вы в пучине отчаяния?

– Не пыталась.

– Тогда, полагаю, вы не сможете понять, каково это. Это ужасно неприятное чувство. К горлу подступает комок и не даёт проглотить даже шоколадную конфету. Я как-то ела шоколадную конфету, года два назад. Она была невероятно вкусной. С тех пор мне часто снится, что передо мной лежит целая куча шоколадных конфет, но всякий раз я просыпаюсь, как только собираюсь съесть хотя бы одну. Надеюсь, вы не обидитесь, что я не могу есть. Всё очень вкусно, но я просто не могу.

– Думаю, она устала, – сказал Мэттью, который не произнес ещё ни слова с тех пор, как вернулся со двора. – Лучше уложить её спать.

Марилла всё это время размышляла, где же уложить Энн. Для мальчика она подготовила кушетку в комнате возле кухни. И хотя та была чистой и опрятной, всё же для девочки это место казалось неподходящим. В гостевую спальню бездомного ребёнка она размещать не хотела, так что оставалась только комната в мезонине в восточной части дома. Марилла зажгла свечу и велела вялой Энн ступать за ней. Так, захватив по пути из пугающе чистой прихожей

свою шляпу и саквояж, она очутилась в небольшом мезонине, который выглядел даже чище прихожей.

Марилла поставила свечу на трёхногий треугольный столик и убрала покрывало с постели.

– Полагаю, у тебя есть ночная рубашка? – спросила она.

Энн кивнула.

– Да, две. Мне их сшила воспитательница. Они ужасно тесные. В приютах вечно всего не хватает, поэтому вещи всегда такие тесные. Во всяком случае, в таких бедных приютах, как наш. Я терпеть не могу тесные ночные рубашки. Хотя сны в них могут сниться такие же прекрасные, как и в роскошных длинных рубашках с кружевными воротничками. Хоть это утешает.

– Скорее раздевайся и ложись. Я вернусь через пару минут за свечой. Сама не туши, а то ещё пожар устроишь.

Когда Марилла вышла, Энн тоскливо оглядела комнату. Белые стены были столь мучительно голыми и неприятными, что казалось, и сами страдают от своей наготы. Пол тоже был голым, если не считать круглого плетёного коврика посередине – таких Энн ещё не встречала. В одном углу стояла высокая старомодная кровать с четырьмя тёмными небольшими столбиками. В другом находился тот самый треугольный столик, на котором лежала пухлая игольница из красного бархата, такая жёсткая, что о неё запросто сломалось бы остриё самой отважной булавки. Над столиком висело маленькое, шесть на восемь дюймов, зеркальце. Между столиком и кроватью находилось окно с белоснежной муслиновой занавеской, а напротив него – умывальник. От всей комнаты веяло такой неопишуемой суровостью, что по телу Энн пробежала дрожь. Всклипнув, она поспешно сбросила одежду, надела тесную ночную рубашку и, нырнув в кровать, уткнулась лицом в подушку и натянула на голову одеяло. Когда Марилла вернулась за свечой, лишь разбросанная по полу жалкая одежда да немного смятая постель выдавали чьё-то присутствие.

Марилла неторопливо собрала вещи Энн, аккуратно разложила их на жёстком жёлтом стуле и, забрав свечу, подошла к кровати.

– Доброй ночи, – сказала она слегка неуверенно, но без неприязни.

Бледное личико с огромными глазами внезапно появилось из-под одеяла.

– Как вы можете называть эту ночь доброй, когда знаете, что это будет худшая ночь в моей жизни? – укоризненно произнесла Энн и вновь нырнула под одеяло.

Марилла медленно спустилась в кухню и принялась мыть посуду. Мэттью курил, что было верным признаком его душевного смятения. Он редко позволял себе эту скверную привычку, против которой резко выступала Марилла. Но в иные моменты его неудержимо тянуло к трубке, и тогда Марилла смотрела на это сквозь пальцы, понимая, что и мужчине нужно куда-то девать свои чувства.

– Ну и дела! – сердито сказала она. – Надо было самим поехать и передать свою просьбу. Родственники Ричарда Спенсера явно что-то напутали. Кому-то из нас придётся поехать завтра к миссис Спенсер. Девочку надо отправить обратно в приют.

– Да, наверное, надо, – неохотно ответил Мэттью.

– Наверное? Почему это наверное?

– Ну, знаешь, она ведь очень славный ребёнок. Жаль отправлять её назад, раз уж она так хочет остаться.

– Мэттью Катберт, ты что, предлагаешь её оставить?!

Изъяви её брат желание встать на голову, Марилла удивилась бы куда меньше.

– Ну, хм, как бы нет, думаю... не то чтобы... – запинаясь, пробормотал Мэттью, который именно это и предлагал. – Полагаю, ну, вряд ли от нас кто-то стал бы ожидать, что мы её оставим.

– Вот именно. Да и какая нам от неё польза?

– Может быть, ей будет польза от нас, – неожиданно вырвалось у него.

– Мэттью, да эта девочка тебя просто заколдовала! Я ясно вижу, что ты хочешь её оставить.

– Хм, ну, она очень занимательное создание, – не сдавался Мэттью. – Ты бы слышала, как она болтала по дороге.

– О да, болтать-то она мастерица, это сразу видно. Сомнительное преимущество. Не люблю я таких болтливых детей. И девочка мне не нужна, а уж если бы и понадобилась, то я бы не такую выбрала. Есть в ней что-то странноватое. Нет-нет, нужно скорее отправить её обратно.

– Я мог бы нанять в помощники французского мальчика, – сказал Мэттью, – а она бы составила тебе компанию.

– Не нужна мне компания, – отрезала Марилла. – И оставлять я её не собираюсь.

– Хм, ну что ж, как скажешь, Марилла, – произнёс Мэттью, поднимаясь с места и убирая трубку. – Я пойду спать.

И Мэттью отправился спать. Убрав посуду и продолжая хмуриться, Марилла последовала его примеру. А наверху, в восточном мезонине, заливаясь слезами, засыпал одинокий, жаждущий любви и участия ребёнок.

Глава IV

Утро в Зелёных Мезонинах

Когда Энн проснулась, на улице уже полностью рассвело. Она села на кровати и растерянно взглянула на окно, сквозь которое лился яркий солнечный свет. За стеклом что-то белое и воздушное покачивалось на фоне небесной лазури.

Сначала она не могла вспомнить, где очутилась. На мгновение её охватило радостное волнение, словно случилось нечто прекрасное. И вдруг страшное воспоминание возникло в её памяти: она в Зелёных Мезонинах, и здесь она не нужна, ведь им нужен мальчик!

Но всё же на дворе стояло утро, а за окном, вся в цвету, виднелась восхитительная вишня. Не теряя ни минуты, Энн выпрыгнула из кровати и подскочила к окну. Она потянула за створку, и та поддалась с таким трудом и таким скрипом, будто её сто лет не открывали.

Энн припала к окну и, затаив дыхание, взгляделась в июньское утро. Глаза её сияли от восторга. Ах, разве не чудесно? Какое очаровательное место! Пускай даже ей и не суждено здесь остаться. Ничего, она представит, будто остаётся. Сколько же здесь простора для воображения!

Прямо под окном росла огромная вишня в пышном цвету, среди которого не было видно ни листочка. Она стояла так близко, что её ветви касались стен дома. По обе стороны от него в цветах тонули яблоневый и вишнёвый сады, а подножия деревьев были усыпаны одуванчиками. Внизу, прямо перед домом, лиловые кисти сирени источали дурманящий сладкий аромат, который утренний ветерок доносил до Энн.

Чуть поодаль расстилались покрытые изумрудным клевером луга, плавно спускавшиеся к ложине, где бежал весёлый ручеёк и виднелись десятки белых берёз – их стройные стволы взмывали в воздух из подлеска, полного намёков на чудесные тайны, покрытые мхом и папоротником. За долиной поднимался холм, пушистый от елей и пихт, а в одном месте зелёная стена расступалась, открывая взору серый мезонин того домика, который Энн видела накануне на Озере Сверкающих Вод.

Слева высились большие амбары, а за ними, вдали, за зелёными пологими полями, мерцала синяя морская гладь.

Энн, всей душой тянувшаяся к прекрасному, медленно переводила взгляд с одного дивного уголка на другой, жадно впитывая их красоту. За свою жизнь бедняжка повидала немало неприглядных мест, и открывшаяся теперь перед глазами картина превосходила даже самые смелые её мечты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.